
С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов»

Любовь Бибилова

S.G. Svatikov and the origin of the «Protocols of the Elders of Zion»

Lyubov Bibikova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001576-4

«Протоколы сионских мудрецов» — несомненно, одна из наиболее известных фальсификаций XX в. Опубликованные в начале XX в. в России, они приобрели после революции 1917 г. большой резонанс, были переведены на многие европейские языки, а в 1930-е гг. активно использовались в пропаганде Третьего рейха. О «Протоколах» написано столько, что они кажутся хорошо изученными и представляющими интерес скорее для конспирологов, чем для историков. При этом в литературе, в том числе научной, с 1920–1930-х гг. преобладает мнение о том, что их появление связано с П.И. Рачковским, в 1884–1902 гг. заведовавшим Заграничной агентурой Департамента полиции. Его называют то автором или соавтором, то заказчиком данного текста¹. Так, В.Л. Бурцев в 1938 г. категорически утверждал в подзаголовке своей книги: «Рачковский сфабриковал “Протоколы сионских мудрецов”, а Гитлер придал им мировую известность»². Британский историк Н. Кон, исследовавший происхождение «Протоколов», видел в причастности «охранки» к их изготовлению «благословение на геноцид»³. Подобное представление, дискредитировавшее политический сыск Российской империи, отразилось и в философских трактатах⁴, и даже в романах⁵.

Исследователи, пытавшиеся оспорить участие Рачковского в подготовке этой фальсификации, обычно ссылались на то, что оно не находит подтверждения в делах Департамента полиции⁶, а по воспоминаниям Андрея Рачковского, его отец впервые познакомился с текстом «Протоколов» уже после того, как они были опубликованы⁷. Однако их оппоненты на протяжении многих лет приводят разнообразные «свидетельства», а недостаток источников восполняют

© 2018 г. Л.В. Бибилова

¹ *Милюков П.Н.* Правда о сионских протоколах. Литературный подлог. Париж, 1922; *Делевский Ю.* Протоколы сионских мудрецов (История одного подлога). Берлин, 1923; *Бурцев В.Л.* Протоколы сионских мудрецов: доказанный подлог. Париж, 1938; *Дудаков С.* История одного мифа. Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993; *Будницкий О.В.* С.Г. Сватиков и его борьба на «еврейском фронте» // Евреи и русская революция. М., 1999. С. 24–26.

² *Бурцев В.Л.* Указ. соч.

³ *Cohn N.* Warrant for Genocide. The Myth of the Jewish world-Conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion. L., 1967. Русский перевод: *Кон Н.* Благословение на геноцид: миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990.

⁴ *Nora P.* 1898. Le thème du complot et la définition de l'identité juive // Pour Léon Poliakov. Le racisme, mythes et sciences. Bruxelles, 1981. P. 157–165.

⁵ *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2003; *Эко У.* Маятник Фуко. СПб., 2006.

⁶ *Брачев В.С.* Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998. С. 21–23.

⁷ *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 263–264, 275.

смелыми гипотезами. Так, по мнению И.П. Шорникова, поскольку Рачковский родился в Дубоссарах Херсонской губ. и, вероятно, интересовался «политическими событиями в родных краях», то «не исключено», что некая «группа Рачковского» передала созданную фальшивку именно П.А. Крушевану — известному публицисту и активному черносотенцу, проживавшему в Кишинёве⁸. Данные предположения автор документально не подтверждает, однако это пока единственная в историографии попытка проследить «связь» заведующего Заграничной агентурой с первым публикатором «Протоколов». Неудивительно, что автор самого детального в новейшей историографии исследования о «Протоколах» — французский историк П. Тагиефф пишет о невозможности и даже бесполезности попыток разобраться в происхождении данного текста и предлагает рассматривать его возникновение как рождение мифа, используя соответствующий методологический инструментарий⁹.

Между тем в последнее время появились работы, в которых убедительно показано, что первые заявления о причастности Рачковского к созданию «Протоколов», сделанные кн. Е. Радзивилл и гр. А. дю-Шайла, нельзя считать достоверными — биографии этих деятелей не только экстравагантны, но и полны различных подлогов и мистификаций¹⁰.

Более надёжным и едва ли не основным до сих пор считается «свидетельство», оставленное историком и общественным деятелем Сергеем Григорьевичем Сватиковым¹¹. В мае–сентябре 1917 г., будучи комиссаром Временного правительства, он расследовал в Париже контрразведывательную деятельность Департамента полиции во время Первой мировой войны¹². Впоследствии он заявил, будто в ходе допросов Анри (Генри) Бинт, служивший в Заграничной агентуре с 1883 по 1917 г., сообщил ему, что «Протоколы» были сфабрикованы по указанию Рачковского его секретным сотрудником — журналистом Матвеем

⁸ Шорников И.П. Провокатор П.А. Крушеван и публикация «Протоколов сионских мудрецов» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2011. № 7(102). Вып. 18.

⁹ Тагиефф П.-А. Протоколы сионских мудрецов: фальшивка и её использование. Т. 1. М., 2011. С. 8.

¹⁰ Микелис Ч., де. «Протоколы сионских мудрецов». Несуществующий манускрипт, или подлог века. Минск, 2006. С. 48–52; *Hagemeister M. The Protocols of the Elders of Zion: Between History and Fiction* // *New German Critique*. Vol. 35. 2008. № 1(103). S. 83–95; *Hagemeister M. Russian Émigrés in the Bern Trial of the «Protocols of the Elders of Zion» (1933–1935)* // *Cahiers Parisiens / Parisian Notebooks* Vol. 5. 2009. P. 375–391; *Hagemeister M. The Protocols of the Elders of Zion in Court. The Bern trials, 1933–1937* // *The Global Impact of The Protocols of the Elders of Zion: A Century-Old Myth*. L.; N.Y., 2011. P. 241–253; *Hagemeister M. «Alles nur Betrug und Lüge»? Fakten und Fiktionen im Leben der Catherine Radziwill* // *Kulturelle Grenzgänge. Festschrift für Christa Ebert zum 65. Geburtstag*. Berlin, 2012. S. 289–300; *Hagemeister M. Die «Protokolle der Weisen von Zion» vor Gericht. Der Berner Prozess 1933–1937 und die «antisemitische Internationale»*. Zürich, 2017; *Хагемейстер М. В поисках свидетельств о происхождении «Протоколов сионских мудрецов»: издание, исчезнувшее из Ленинской библиотеки* // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 96; Баран Х. О ранней публицистике А.М. дю-Шайла. Контексты «Протоколов Сионских мудрецов» // «И время, и место»: историко-филологический сборник к 60-летию А.Л. Осповата. М., 2008; Баран Х., Зубарев Д., Аронов Л. Княгиня Екатерина Радзивилл и «Протоколы сионских мудрецов»: мистификация как образ жизни // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 96; Аронов Л., Баран Х., Зубарев Д. Между «делом Дрейфуса» и Папюсом: В.В. Муравьев-Амурский и Франция // *Россия и Франция XVIII–XX вв. Лотмановские чтения*. М., 2013. С. 255–256.

¹¹ Наиболее известны его работы: *Сватиков С.Г. Общественное движение в России*. Ростов н/Д, 1905; *Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917)*. Белград, 1924; *Сватиков С.Г. Россия и Сибирь. К истории сибирского областничества в XIX в.* Прага, 1930.

¹² ГА РФ, ф. 1652, оп. 1, д. 2.

Головинским¹³. Это ничем не подтверждённое¹⁴ утверждение Сватикова, как правило, не вызывает у историков сомнений¹⁵. Тем более удивительно то, что его версия и контекст её появления ни разу не подвергались критическому анализу.

Открыто выражал сомнение как в причастности Рачковского к фабрикации «Протоколов», так и в свидетельстве Сватикова лишь А.И. Спиридович, в 1903–1905 г. руководивший Киевским охранным отделением, а в 1906–1917 г. — Дворцовой охраной. В рукописи «Охрана и антисемитизм в дореволюционной России», написанной не ранее второй половины 1930-х гг., бывший жандармский генерал иронизировал: «Относясь с презрением к агентам русской секретной полиции всех служебных степеней, г. Сватиков был очарован и покорён “филёром”-французом, вероятно, подавленный его французским диалектом. Он всецело доверился его рассказам про работу Рачковского. Он упускал из виду, что г. Бинт был только “филёром”, то есть агентом наружного наблюдения, и забывал, что в русской обстановке г. Бинт был бы для него лишь “шпик”, “гороховое пальто”, разговаривать с которым Сватиков, конечно, счёл бы ниже своего достоинства... Из его рассказов Сватиков вывел заключение, что П.И. Рачковский — провокатор, клеветник и плагиатор, сочинивший со своими соработниками Манасевичем-Мануйловым и Головинским “Сионские протоколы”. Рассказы г. Бинта о том, как он с Рачковским в восьмидесяти годах печатал на гектографе прокламации, якобы написанные революционерами, служили для Сватикова достаточным доказательством, что, значит, и “Протоколы” также сфабрикованы Рачковским. Сватиков верил, что “статский советник”, начальник делился своими политическими секретами о “Протоколах” с подчинённым ему “филёром”»¹⁶.

При этом нет никаких причин полагать, что сведения о причастности Рачковского к фабрикации «Протоколов» появились ранее 1921 г. Ч. де Микелис считает, что впервые об этом упоминалось ещё в 1920 г. в польской газете

¹³ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов по материалам официального следствия 1917 года / Публ. О.В. Будницкого // Евреи и русская революция. С. 163–230. Рукопись находится в Собрании Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института (Box 20, folder 1).

¹⁴ В 1999 г. петербургский историк М.П. Лепёхин объявил в ряде французских изданий о будто бы найденных им в бумагах Бинта документальных свидетельствах написания «Протоколов» Головинским (*Conan É. L'origine des Protocoles des sages de Sion // L'Express. 1999. 16 novembre*). Но ни он, ни другие исследователи, упоминающие про «свидетельство Бинта», так и не разъяснили, о каких собственно материалах идёт речь и где именно они обнаружены и находятся. Подробнее см.: *Hagemester M. The Protocols of the Elders of Zion... S. 83–95.*

¹⁵ Кон Н. Благословение на геноцид... С. 33–40; Будницкий О.В. С.Г. Сватиков и его борьба... С. 26; Маркедонов С.М. С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов н/Д, 1999; Zuckerman F.S. The Tsarist Secret Police Abroad: Policing Europe in a Modernising World. N.Y., 2003. P. 125–150; Рейтлат А.И. Нилус и «Протоколы сионских мудрецов» (обзор публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. При этом крупнейший исследователь истории политической полиции России З.И. Перегудова осторожно и корректно отмечает, что Рачковский был «среди инициаторов создания фальшивки» только «по одной из версий» (Большая российская энциклопедия. Т. 28. М., 2015), а американский историк Дж. Дейли, автор двух монографий по истории политической полиции Российской империи (*Daly J. Autocracy under Siege. DeKalb, 1998; Daly J. The Watchful State. DeKalb, 2004*), высказывая сомнение в причастности Рачковского к созданию «Протоколов», рассматривает утверждения Сватикова и показания Бинта лишь как факт историографии (см.: *Спиридович А.И. Охрана и антисемитизм в дореволюционной России / Публ. Дж. Дейли // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 3–6*).

¹⁶ Спиридович А.И. Охрана и антисемитизм... С. 28. Версию Сватикова пытался опровергнуть и О.А. Платонов, однако его работа носит скорее публицистический (и крайне идеологизированный) характер и к тому же содержит многочисленные ошибки, демонстрирующие слабое знакомство с историей дореволюционного политического сыска (*Платонов О.А. Загадка сионских протоколов. М., 1999*).

«Варшавское слово»¹⁷. Но там речь шла о некоем докладе (предположительно 1902 г.), направленном против спирита и гипнотизёра «месье Филиппа» (А.-Ф. Низье), имевшего тогда большой успех при царском Дворе¹⁸. Смелое предположение, будто данный доклад — это и есть «Протоколы», сделал в 1939 г. французский писатель А. Роллен, однако доказать эту гипотезу ему было нечем¹⁹.

Лишь 1 апреля 1921 г. в парижской газете «Еврейская трибуна» был опубликован перевод интервью кн. Е. Радзивилл и некоей «её подруги госпожи Херблетт», взятого американскими журналистами в конце февраля — начале марта того же года²⁰. Княгиня заявила им (а «г-жа Херблетт» подтвердила), что к созданию «Протоколов» причастны П.И. Рачковский, М. Головинский и И.Ф. Манасевич-Мануйлов. «Агент Головинский» будто бы даже навещал княгиню в Париже и показывал рукопись «Протоколов», над которой работал в Национальной библиотеке Франции в 1904–1905 гг. по указанию и под руководством Рачковского. Нестыковки и неточности рассказа Радзивилл хорошо известны²¹. Говоря про 1904–1905 гг., она, видимо, ориентировалась на появившееся в конце 1905 г. второе издание книги С.А. Нилуса «Великое в малом» — единственную широко известную к 1921 г. публикацию «Протоколов». О том, что впервые они были опубликованы П.А. Крушеваном в газете «Знамя» в августе–сентябре 1903 г., княгиня, скорее всего, просто не знала (в это время она отбывала наказание в тюрьме в Южной Африке за подделку подписей британского министра С. Родса²²).

Интервью Радзивилл вызвало пристальный интерес в эмигрантской среде: имя Рачковского оставалось на слуху, он был известен как инициатор разгрома в 1886 г. народовольческой типографии и «дела бомбистов» 1890 г., ему приписывали обращение Л.А. Тихомирова в монархиста и даже убийство В.К. Плеве и Г.А. Гапона²³. 14 апреля известный разоблачитель «тайн охранки» Бурцев опубликовал в своей газете «Общее дело» критический разбор интервью Радзивилл и Херблетт²⁴, обратив внимание на то, что в 1904–1905 гг., когда Головинский якобы посещал княгиню в Париже, Рачковский уже не заведовал Заграничной агентурой, так как был уволен ещё в 1902 г. и не жил в Париже. 16 апреля в газете П.Н. Милюкова «Последние новости», борющейся с «Общим делом» за читательскую аудиторию, появилась статья известного журналиста С.Л. Полякова-Литовцева, настаивавшего на том, что важны не детали, а сам факт фабрикации «Протоколов» Рачковским, Головинским и Манасевичем-Мануйловым²⁵.

¹⁷ Микелис Ч., де. Указ. соч. С. 48 (сноска 48), 163–165.

¹⁸ Варшавское слово. 1920. 17 июля. Цит. по: Микелис Ч., де. Указ. соч. С. 163–164.

¹⁹ Rollin H. L'Apocalypse de notre temps. P., 1991. P. 453. Цит. по: Микелис Ч., де. Указ. соч. С. 163. Текст этого доклада в архивах пока не обнаружен.

²⁰ Правда о «Сионских протоколах» (Беседы с княгиней Радзивилл и с г-жею Генриеттой Херблетт) // Еврейская трибуна. 1921. 1 апреля. № 66. С. 1–3. Газета «Еврейская трибуна» выходила также на французском языке («La Tribune Juive»).

²¹ См., в частности: Баран Х., Зубарев Д., Аронов Л. Княгиня Екатерина Радзивилл... С. 93–100; Hagemeister M. «Alles nur Betrug und Lüge»... S. 289–300.

²² Аронов Л., Баран Х., Зубарев Д. Княгиня Екатерина Радзивилл... С. 83–84.

²³ Об этом писали в периодической печати после смерти П.И. Рачковского в октябре 1910 г. Подборку статей, составленную в Департаменте полиции, см.: ГА РФ, ф. 102, оп. 316, ОО, 1 отделение, д. 2586, л. 23–36. В эмиграции в 1920-е гг. эти сюжеты продолжали обсуждаться: Там же, ф. 1723, оп. 1, д. 93, л. 65; д. 265.

²⁴ Бурцев В. «Сионские протоколы» // Общее дело. 1921. 14 апреля. № 273. С. 2.

²⁵ Поляков-Литовцев С. Протоколы «сионских мудрецов» // Последние новости. 1921. 16 апреля. № 304. С. 2. О «Протоколах» Поляков писал и ранее. См., в частности: Поляков С. «Таймс» и сионистские протоколы // Еврейская трибуна. 1920. 21 марта.

12 и 13 мая 1921 г. в «Последних новостях» появились две статьи гр. А.М. дю-Шайла – француза, жившего в 1900–1910-е гг. в России, публиковавшегося в черносотенных изданиях, а затем поменявшего свои идеологические пристрастия на противоположные²⁶. Граф сообщил о своём знакомстве с Нилусом в Оптиной пустыни в 1909 г., рассказывал (дословно повторяя слова Радзивилл) про внешний вид рукописи «Протоколов», которую якобы показал ему Нилус, получивший её от Рачковского²⁷. 18 мая 1921 г., откликаясь в тех же «Последних новостях» на воспоминания дю-Шайла, Поляков-Литовцев утверждал, что они доказывают связь Рачковского не только с Головинским, но и с Нилусом²⁸. В начале июля «Последние новости» выпустили новый цикл статей дю-Шайла «Монархическая идея и действительность», в которых участие Рачковского в создании «Протоколов» объяснялось его борьбой с придворным мистиком и мистификатором Филиппом Низье²⁹.

К тому времени (преимущественно в 1918–1920-х гг.) «Протоколы» были переведены на многие европейские языки и изданы большими тиражами в Германии, Италии, Англии, США и других странах. Происхождение этого текста интересовало тогда многих русских эмигрантов. Один из лидеров кадетской партии Ф.И. Родичев даже написал в 1921 г. брошюру «Большевики и евреи», в которой, среди прочего, характеризовал идеи «Протоколов» и их дореволюционные публикации Нилусом. Рецензия на эту брошюру стала единственной публикацией на данную тему, помещённой в «Общем деле» после выхода статьи Бурцева³⁰.

Тем не менее начавшаяся в «Последних новостях» и «Общем деле» дискуссия привлекла внимание Сватикова, приехавшего в Париж в 1920 г. после неудачной попытки наладить сотрудничество с правительством А.И. Деникина³¹. 16 апреля, спустя две недели после публикации интервью Радзивилл в парижской прессе, Сватиков писал бывшему чиновнику Особого отдела Департамента полиции Л.П. Меньшикову, после Первой русской революции сотрудничавшему с Бурцевым: «Был бы Вам очень признателен за сообщение всего Вам известного по делу о протоколах сионских мудрецов... Знали ли Вы Матвея Головинского? Вы сами увидите ошибки в сведениях Радзивилл и Херблетт. Но там, несомненно, много и правды»³². Этот вопрос вполне соответствовал общему содержанию их обширной дружеской переписки, в которой в 1920-е гг. в основном обсуждалась секретная агентура Департамента полиции³³. Вместе с тем Сватиков, судя по данному письму, явно не располагал точными сведениями о возникновении «Протоколов» и скорее делал догадки, казавшиеся ему несомненными.

Однако уже 14 августа в «Общем деле» вышла статья Сватикова «Рачковский и его подлоги». В ней рассказывалось о том, что в 1880–1890-е гг. начальник Заграничной агентуры занимался составлением «подложных документов», опубликовав на русском и французском языках ряд статей и брошюр от имени

²⁶ О нём см: *Hagemeister M.* Der Mythos der «Protokolle der Weisen von Zion» // *Vorschworungstheorien: Anthropologische Konstanten – historische Varianten.* Osnabrück, 2001; *Баран Х.* О ранней публицистике А.М. дю-Шайла...

²⁷ *Дю-Шайла А. С.А.* Нилус и «Сионские протоколы» // *Последние новости* (Париж). 1921. 12 мая. № 326. С. 2–3; 13 мая. № 327. С. 2–3; *Дю-Шайла А.* Воспоминания о С.А. Нилусе и Сионских Протоколах (1909–1920) // *Еврейская трибуна.* 1921. 14 мая. № 72. С. 1–7.

²⁸ *Поляков-Литовцев С.* Без названия // *Последние новости.* 1921. 18 мая. С. 2.

²⁹ *Аронов Л., Баран Х., Зубарев Д.* Между «делом Дрейфуса» и Папюсом... С. 255–256.

³⁰ *Л.Б.* Большевики и евреи // *Общее дело.* 1921. 19 июня. № 338. С. 2.

³¹ О службе Сватикова в Особом совещании при главнокомандующем Добровольческой армии см.: ГА РФ, ф. Р-324, оп. 1, д. 31.

³² Там же, ф. 1723, оп. 1, д. 298, л. 2.

³³ Там же, д. 126, 298.

известных революционеров (в частности, Л.А. Тихомирова и Г.В. Плеханова) или анонимных, с критикой и насмешками над русской революционной эмиграцией. Делалось это, по словам Сватикова, с «целью внести раздоры в революционную эмигрантскую среду». Упоминалось при этом и то, что «по показаниям сотрудников Рачковского (имена их не назывались. — Л.Б.), Матвей Головинский находился с 1892 г. на службе Заграничной агентуры Департамента полиции и долго жил в Париже». В заключении статьи автор с явной надеждой и плохо скрываемым нетерпением писал о том, что «приходится только ждать данные о создании текста протоколов под руководством Рачковского»³⁴.

Через несколько дней «Последние новости» преподнесли читателям очередную сенсацию — в газете «Таймс» британский журналист Ф. Грейвс обнаружил текстualное сходство «Протоколов» с книгой французского публициста 1860-х гг. М. Жоли «Диалоги в аду»³⁵. Доводы Грейвса были вполне убедительны и сохраняют своё значение по сей день.

20 сентября 1921 г. в статье «Конец сионских протоколов», опубликованной в «Общем деле», Сватиков, не приводя никаких новых данных, попытался обобщить все известные на тот момент сведения, извлечённые из интервью Радзивилл и Херблетт, воспоминаний дю-Шайла и наблюдений Грейвса. Статьи 1921 г. свидетельствовали о безусловном доверии Сергея Григорьевича к словам Радзивилл и дю-Шайла. Но тогда почти никто не ставил их под сомнение³⁶. В 1922 г. Милюков издал статьи дю-Шайла отдельной книгой с собственным предисловием, в котором утверждал: «Показание дю-Шайла было чрезвычайно важно потому, что совершенно совпадало с показаниями княгини Радзивилл и её приятельницы г-жи Герблетт... Обе дамы видели эту самую рукопись..., они знали и автора, который в их салоне показывал эту рукопись и хвастался своей работой. Это был именно г. Головинский, агент Рачковского, начальника тайной полиции в Париже. Г. Головинский с более известным Манасевичем-Мануйловым трудились, по словам первого, над этой рукописью в парижской Национальной библиотеке, по поручению Рачковского»³⁷.

Схожим образом описывал происхождение «Протоколов» и другой эмигрант — эсер, литератор и известный геолог Я.Л. Делевский, сделавший, однако, небольшое уточнение: «Один из сотрудников Рачковского подтвердил Сватикову в общей форме, что Протоколы сионских мудрецов созданы по заказу Рачковского... На основании данных Сватикова, производившего в 1917 году в качестве комиссара Временного правительства за границей следствие о деятельности Заграничной агентуры Департамента полиции, выясняется, что Матвей Головинский был агентом Заграничной агентуры с 1892 года и жил в 1890—1900 годах в Париже»³⁸. Таким образом, именно в изложении Делевского впервые появляется указание на 1917 г. и говорится, что секретное сотрудничество Головинского с Заграничной агентурой было установлено комиссаром Временного правительства в ходе расследования деятельности «парижской охраны» (о чём сам Сватиков в своих статьях 1921 г. не упоминал). Однако в книге Делевского 1917 г. ещё не привязан к «сведениям сотрудника Рачковского», поэтому не ясно, когда собственно тот «подтвердил в общей форме» факт фабрикации «Протоколов» его бывшим начальником. Вероятно, это должно было произойти всё же после апреля 1921 г., так как иначе подоб-

³⁴ Сватиков С. Рачковский и его подлоги // Общее дело. 1921. № 393. С. 2. 26 августа 1921 г. эта статья была перепечатана в «Еврейской трибуне» (№ 87).

³⁵ Сионские протоколы // Последние новости. 1921. 20 августа. № 412. С. 1.

³⁶ Даже Бурцев, несмотря на высказанные в статье 14 апреля 1921 г. замечания, позднее продемонстрировал полное доверие к этим «свидетельствам» и на Бернском процессе, и в книге «Протоколы сионских мудрецов: доказанный подлог».

³⁷ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 3.

³⁸ Делевский Ю. Указ. соч. С. 96, 98.

ный рассказ стал бы новой — причём, сенсационной! — информацией, а не «подтверждением» уже известных фактов. Сватиков тогда эти детали не комментировал.

Новые сведения о роли Рачковского Сватиков привёл только в 1934 г. в рукописи «Создание сионских протоколов по материалам официального следствия 1917 года»³⁹ и в показаниях на Бернском процессе, который состоялся по инициативе еврейских общин Швейцарии, добывавшихся официального признания подложности «Протоколов»⁴⁰. Как отмечает О.В. Будницкий, «на Бернском процессе среди экспертов, привлечённых обвинением, преобладали русские специалисты — Бурцев, Сватиков, Милюков, Николаевский. И это не случайно, как показывают документы из архива Николаевского в Гуверовском институте, истинными организаторами процесса были российские евреи-эмигранты, первую скрипку среди которых играл И.М. Чериковер». Русские эксперты хотели продемонстрировать швейцарскому суду единство своей позиции, поэтому известный эмигрантский историк Николаевский, хотя и «не считал Рачковского организатором создания “Протоколов”...», своё особое мнение не считёл возможным обнаружить в период Бернского процесса»⁴¹.

В марте 1934 г. организаторы готовившегося Бернского процесса заказали Сватикову книгу о Рачковском и фабрикация «Протоколов», передав через Николаевского аванс — 2 тыс. франков⁴². К концу лета текст был написан и переведён на немецкий язык⁴³. В октябре Сватиков в общих чертах изложил его содержание в показаниях на суде, где уверенно поддерживал позицию обвинения и «русских экспертов». Причины, по которым рукопись Сватикова так и не была тогда же издана, неизвестны. По мнению её современного публикатора, Сватиков не хотел мешать Бурцеву, который в то же время работал над исследованием о происхождении «Протоколов» (его книга увидела свет в 1938 г.)⁴⁴.

Из названия рукописи Сватикова могло показаться, что в 1917 г. проводилось официальное следствие о «сионских протоколах», но уже с первых страниц становилось ясно: «официальным следствием» автор называет расследования, которыми занимались представители Временного правительства (и в первую очередь — он сам) в Париже. Однако «следствия о сионских протоколах» тогда никто не вёл — собирались сведения о контрразведывательной деятельности, о «провокаторстве» в эмигрантской среде и секретном сотрудничестве революционеров с политической полицией Российской империи, о шпионаже в пользу Германии, о злоупотреблениях в русских военных миссиях в Европе⁴⁵.

Осветив в рукописи свою деятельность на посту комиссара Временного правительства за границей в 1917 г., а также действия заведующего Заграничной агентурой Департамента полиции в 1880–1900-х гг., Сватиков попытался представить «документальное доказательство» причастности Рачковского к фабрикация «Протоколов». Особое значение при этом придавалось информации,

³⁹ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 163–230.

⁴⁰ О Бернском процессе см.: Хагемейстер М. В поисках свидетельств...; *Hagemeister M. Russian Émigrés in the Bern Trial...* S. 375–391; *Hagemeister M. Die «Protokolle der Weisen von Zion» vor Gericht...*

⁴¹ Будницкий О.В. С.Г. Сватиков и его борьба... С. 24, 27.

⁴² Переписка по этому поводу опубликована: Платонов О.А. Загадка сионских протоколов. С. 391–395.

⁴³ Как любезно сообщил М. Хагемейстер, немецкий перевод рукописи Сватикова хранится в Архиве современной истории в Цюрихе.

⁴⁴ Будницкий О.В. С.Г. Сватиков и его борьба... С. 26.

⁴⁵ Разные варианты итогового отчёта Сватикова Временному правительству см.: ГА РФ, ф. Р-324, оп. 1, д. 1, 2; оп. 2, д. 46; ф. 1653, оп. 1, д. 2. См. также: Асафонов В.К. Заграничная охранка (Составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента полиции). С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников Заграничной агентуры. [Пг.], 1918.

полученной от Анри Бинта — филёра, находившегося на службе у русского правительства с 1881 г. Первоначально он вёл слежку на территории Франции по заданиям представителей «Святой дружины», а с момента создания Заграничной агентуры и вплоть до Февральской революции сотрудничал с Департаментом полиции. При Рачковском Бинт исполнял филёрские обязанности, с середины 1890-х гг. принимал участие в охране особ Императорской фамилии во время их поездок по Европе⁴⁶. В 1909—1917 гг. он был на хорошем счету у последнего заведующего Заграничной агентурой А.А. Красильникова и даже стал, как самый надёжный из «старослужащих французов», руководителем фиктивного частного «Розыскного бюро Бинт и Самбен» — легального «прикрытия» Заграничной агентуры, действовавшей на территории Франции неофициально и летом 1909 г. разоблачённой Бурцевым в ряде публикаций во французской прессе⁴⁷.

Согласно рукописи Сватикова, во время допросов бывших чинов Заграничной агентуры в 1917 г. именно Бинт рассказал ему ряд историй о своём бывшем начальнике, в том числе и о фабрикациях «Протоколов». В 1921 г. он же предоставил «фальшивки Рачковского», проанализированные затем Сватиковым на страницах «Общего дела». В 1926 г. Бинт передал Сватикову из своего личного архива «документ», якобы убедительно доказывавший причастность Рачковского к созданию «Протоколов»⁴⁸.

В рукописи Сватиков приводит свой разговор с Бинтом, утверждая, что он состоялся во время одного из допросов в 1917 г. Это — единственное доказательство «версии Сватикова», согласно которой «Протоколы» были сфабрикованы Рачковским. «Давая мне беглые показания о деятельности своей за 37 лет, — писал Сватиков, — и описывая эпоху управления Рачковского, в частности же описывая провокационную работу и подделки Рачковского, Бинт сказал, что лет 17 тому назад по указаниям шефа, т.е. Рачковского, была создана ещё и такая фальшивка, а именно “Сионские протоколы”. “— Что было в этих ‘протоколах’?, — спросил я, смутно вспоминая, что в 1905 году я читал какую-то книгу, в которой несколько глав были посвящены каким-то сионским протоколам. — *Описание того, как евреи правят миром и совещаются между собой, как это лучше делать. Вообще фантазии в жанре Дрюмона* (здесь и далее реплики Бинта выделены курсивом. — Л.Б.). — Было ли это написано с погромной целью? — *Не знаю.* — Ну вообще чтобы подстрекнуть русских против евреев? — *О, да!* — Это было сделано по приказу его начальства? По приказу Департамента полиции? — *Нет. Охранка женеерале, Фонтанка, 16* (так Бинт называл в просторечии Департамент полиции) *не знала об этой затее Рачковского. Это было его индивидуальное предприятие, как и многие его листки.* — Сам ли Рачковский писал эти протоколы? — *Нет, писал их наш агент Головинский* (Бинт произносил фамилию и писал её через К, а не через Г). — Наш агент — это секретный сотрудник Заграничной агентуры? — *Да.* — С какого года был Головинский на службе у Рачковского? — *Помнится, с 1892. Я ему, как и другим, платил деньги, по приказанию ‘шефа’, из рук в руки.* — Почему Вы думаете, что писал Головинский и именно ‘протоколы’? — *У Рачковского было два литератора: Коган и Головинский. Последний работал в Национальной библиотеке и приносил главы в черновике Рачковскому. Я знал, о чём пишет Головинский.* — Нет ли у Вас копии этих протоколов? Вы же со всего снимали для себя копии. — *Нет, к несчастью, нет. Это была очень конфиденциальная работа.* — Есть ли у Вас какие-либо бумаги, доказывающие участие Рачковского в создании протоколов? — *Да, приказ о розыске древних противоеврейских книг в Германии.* — Хорошо, доставьте мне

⁴⁶ Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880—1917. М., 2013. С. 155—182.

⁴⁷ Там же; Агафонов В.К. Указ. соч. С. 109—121.

⁴⁸ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 205—206.

все те листки, брошюры, о которых Вы говорили, а также и документ”. Этим кончился допрос Бинта в 1917 г. Он кратко записал свои показания по этому вопросу, как и другие — о сотнях людей и предметов... Обещанные книги и листки он не мог доставить, они оказались в его личном архиве в провинции»⁴⁹.

Таким образом, если верить Сватикову, уже в 1917 г. Бинт знал о фабрикации «Протоколов» Головинским по приказу Рачковского и её цели, был знаком с содержанием фальшивки, уверенно называл один из её источников — сочинения французского политика и публициста Э. Дрюмона (о чём писали уже в 1920-е гг. Делевский и Бурцев). И это при том, что Бинт исполнял при Рачковском исключительно филёрские обязанности, и даже среди филёров заведующий Заграничной агентурой не выделял его как лучшего⁵⁰. Между тем разделение внутреннего и внешнего наблюдения являлось одним из первых правил конспирации, которые Рачковский соблюдал неукоснительно⁵¹. Служебное положение Бинта существенно изменилось только при новом начальнике — в 1902—1905 гг. он стал ближайшим помощником Л.А. Ратаева (контактировал с секретными сотрудниками, платил им деньги, составлял финансовые ведомости на все расходы Заграничной агентуры⁵²). Однако при сменившем Ратаева в 1905—1909 гг. А.М. Гартинге Бинт снова стал простым филёром⁵³.

Нельзя не отметить, что, беседуя со Сватиковым, Бинт использовал слова, которые были в ходу в революционной и эмигрантской среде, но не употреблялись в системе сыска. Тот же Бинт в показаниях 1917 г. говорил не об «охранке», а о «la police politique russe» («русской политической полиции»)»⁵⁴. Если в структурах, находившихся на территории империи (Департамент полиции, охранные отделения, губернские жандармские управления), использовался термин «секретный агент», известный и в революционной среде, то в Заграничной агентуре «агентами» называли тех, кто занимался слежкой, а секретных сотрудников — просто «сотрудниками»⁵⁵. «Помимо штатных чинов и офицеров, — писал Сватиков в 1918 г., хорошо понимая терминологическую разницу, — работали лица двух сортов: агенты и секретные сотрудники. Агенты были низшие исполнители по найму... Их обязанности заключались в наружном наблюдении... Секретные сотрудники распались на информаторов и на провокаторов»⁵⁶. Следовательно, Бинт, занимавшийся в Заграничной агентуре слежкой, на протяжении более чем 30 лет был «агентом», и в его устах слова «наш агент Головинский» означали бы, что речь идёт о филёре.

Тематика допросов, которые вели в 1917 г. комиссар Временного правительства и члены Комиссии по разбору дел Заграничной агентуры, существенно отличались от того, о чём, согласно рукописи Сватикова, рассказывал Бинт.

⁴⁹ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 166—167.

⁵⁰ Так, в январе 1886 г. Рачковский предлагал Департаменту полиции выплатить нескольким филёрам дополнительное вознаграждение за хорошую службу. Бинта в этом списке нет (ГА РФ, ф. 102, 1886 г., 3-е делопроизводство, оп. 82, д. 93, л. 39—40).

⁵¹ Об этом свидетельствовали, в частности, периодические ревизии, проводившиеся Департаментом полиции. См.: Агафонов В.К. Указ. соч. С. 28—31.

⁵² ГА РФ, ф. 509, оп. 1, д. 10, л. 90—181; д. 14, л. 2, 25, 45.

⁵³ Между Гартингом и Бинтом произошёл конфликт, и в марте 1908 г. руководителем филёрской службы был назначен другой француз — Битгар-Монен (ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 11, л. 11—19, 96).

⁵⁴ ГА РФ, ф. 508, оп. 1, д. 36, л. 59.

⁵⁵ См., например: Там же, ф. 509, оп. 1, д. 18, л. 3, 8.

⁵⁶ Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей. Ростов н/Д, 1918. С. 6. См. также отчёт Сватикова Временному правительству «о ликвидации заграничной политической агентуры»: ГА РФ, ф. 1653, оп. 1, д. 2, л. 2. Сватиков различал эти понятия и в 1920-е гг. (См., например: Там же, ф. Р-5802, оп. 1, д. 535, л. 35—37 об.).

Сохранилось по меньшей мере три комплекта протоколов допросов⁵⁷ (среди них есть и показания Бинта⁵⁸). Речь в них идёт преимущественно о разоблачении «тёмных» сторон «царского режима» — «провокаторства», шпионажа в пользу Германии, злоупотреблений в русских военных миссиях в Европе и т.д. В имеющихся протоколах допросов Бинта не говорилось о «сионских мудрецах», а Рачковский упоминался лишь мимоходом — как автор системы калькирования писем⁵⁹. Нет в них ни «беглых показаний о деятельности за 37 лет», ни описания «эпохи управления Рачковского» и его «провокационной работы и подделок». Зато Бинт подробно рассказывал о своей контрразведывательной деятельности в Швейцарии и Скандинавии в годы Первой мировой войны⁶⁰. Но основное внимание он уделил критике финансовой недобросовестности и некомпетентности Гартинга, заведовавшего Заграничной агентурой в 1905—1909 гг.⁶¹

Любопытно и то, что, согласно рукописи Сватикова, Бинт будто бы назвал настоящие имена секретных сотрудников (Головинский и Коган) без указания их кличек. Однако Комиссия по разбору дел Заграничной агентуры во главе с Е.И. Раппом, созданная в конце апреля 1917 г. из эмигрантов, живших в Париже, столкнулась с тем, что в документах официального делопроизводства имелись только клички. Один из самых деятельных её членов и друг Сватикова — Агафонов — в книге, изданной в марте 1918 г., писал: «При... предварительном общем обзоре архивов заграничной агентуры мы вскоре поняли, что главная наша задача — разоблачение “провокаторов” — представляется чрезвычайно трудной, так как ни в бумагах, ни в каталогах, ни в фотографических альбомах мы не нашли, конечно, каких-либо указаний на фамилии секретных сотрудников»⁶².

Комиссар Временного правительства Сватиков формально не имел отношения к этой комиссии, однако принял активное участие в её работе⁶³. На допросах бывшие служащие Заграничной агентуры называли настоящие имена секретных сотрудников и соотносили их с кличками из делопроизводительной переписки⁶⁴. В списках, составленных в результате Агафоновым и Сватиковым, указывались фамилии, имена, отчества, клички, годы «сотрудничества» и основные вехи деятельности секретных сотрудников⁶⁵. В них встречаются клички без указания настоящих имён (если «сотрудник» не был «расшифрован»), однако настоящее имя ни разу не приведено без клички. При этом во всех списках 1917—1918 гг. отсутствовали два имени, якобы названные Бинтом в 1917 г. — Матвей Головинский и Евгений Коган-Семёнов⁶⁶. Трудно поверить,

⁵⁷ ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 21; ф. Р-324, оп. 1, д. 1, 2, 4; оп. 2, д. 46; ф. 1653, оп. 1, д. 2; ф. 508, оп. 1, д. 36.

⁵⁸ Там же, ф. 10003, оп. 1, д. 21, л. 185—187, 201—207; ф. Р-324, оп. 1, д. 4, л. 47—50; ф. 508, оп. 1, д. 36, л. 59—59 об.; ф. 509, оп. 1, д. 34, л. 1—14.

⁵⁹ Там же, ф. Р-324, оп. 1, д. 4, л. 47.

⁶⁰ Там же, ф. 509, оп. 1, д. 34, л. 2, 4—5.

⁶¹ Там же, л. 11—17.

⁶² Агафонов В.К. Указ. соч. С. 8—9. Сватиков и Агафонов познакомились летом 1917 г. в Париже, их переписку см.: ГА РФ, ф. 508, оп. 1, д. 87, 93; ф. 6093, оп. 1, д. 7, л. 2—3, 4; д. 10.

⁶³ Разные варианты отчёта Сватикова Временному правительству об их занятиях см.: ГА РФ, ф. Р-324, оп. 1, д. 1, 2; оп. 2, д. 46; ф. 1653, оп. 1, д. 2.

⁶⁴ Тексты допросов см.: Там же, ф. 508, оп. 1, д. 36.

⁶⁵ Там же, ф. Р-324, оп. 1, д. 1, 2; ф. 1653, оп. 1, д. 4. Агафонов В.К. Указ. соч. С. 308—383.

⁶⁶ Нет их и в черновых списках секретной агентуры, которые большевики начали составлять в 1919 г. (ГА РФ, ф. 4888, оп. 7, д. 183—187, 192, 193), а также в картотеке агентов, составленной в СССР в 1920-е гг. после фронтального просмотра архива Департамента полиции и охватившей 22 тыс. человек (ГА РФ. Картотека секретных сотрудников). Когану-Семёнову посвящён небольшой фрагмент рукописи: Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 179—181.

что Сватиков решил тогда скрыть факт их сотрудничества с Департаментом полиции.

Таким образом, анализ фрагмента рукописи 1934 г. с «показаниями Бинта 1917 года», его сопоставление с реальными документами 1917 г. и отсутствие имеющихся в этом фрагменте сведений в статьях Сватикова 1921 г. убеждают в том, что в 1917 г. разговора о «Протоколах» не было. Данная часть рукописи представляет собой компиляцию сведений, ставших известными в 1920-е гг., со знаниями Бинта о функционировании Заграничной агентуры, полученными в 1902–1905 гг. При этом Сватиков приписал ему эмигрантскую терминологию 1920-х гг., которой Бинт не мог владеть к моменту прихода к власти Временного правительства. Используя устоявшиеся к началу 1930-х гг. в литературе выражения «агент Головинский», «сионские протоколы», «охранка», Сватиков стремился сблизить свою версию с заявлениями кн. Радзивилл. Любопытно, что во всей рукописи Сватиков не приводит никаких других доказательств или примеров «сотрудничества» Рачковского с Головинским, поскольку будто бы «этот компилятор, довольно грубо склеивший обрывки цитат из французского памфлета 1860-х гг., и не столь важен»⁶⁷.

И всё же, скорее всего, Сватиков не сконструировал данный разговор с Бинтом, а лишь перенёс его в 1917 г. из более поздних своих встреч с ним в 1921 и в 1926 гг. (а возможно, и позднее, вплоть до смерти Бинта в 1929 г.). «После нашей официальной встречи в 1917 г., — писал Бинт Сватикову осенью 1926 г., — я Вас вновь видел в начале 1921 г. в тот период, когда Вы меня просили уступить Вам кое-какие исторические материалы, относящиеся к моей службе в охране. В результате этих переговоров я Вам дал немало устных и письменных справок, в частности, я Вам весной 1921 г. передал определённое количество документов из моих частных архивов... Большинство этих документов касалось вопросов, которые в этот период интересовали русское общественное мнение за границей: об измене Ленина России и подозрительных связях Троцкого в Вене... Кроме того, я Вам сообщил устно всё, что мне известно было о фальсификации Рачковского. А так как Вы интересовались также вопросом о сионском протоколе, я Вам рассказал всё, что знал о действиях Рачковского и Головинского, касающихся вопроса протокола и, как доказательство моих слов, я Вам обещал доставить документ, исходящий от моего шефа и дающий мне распоряжение отправиться во Франкфурт-на-Майне для того, чтобы отыскать у книгопродавцев несколько очень древних антисемитских книг и доставить их в Департамент полиции, но, к несчастью, я не мог откопать эту бумагу, потонувшую в огромном количестве личных и официальных бумаг»⁶⁸.

Таким образом, именно в 1921 г. Бинт рассказал Сватикову «всё, что знал о действиях Рачковского и Головинского, касающихся вопроса протокола», и о каких-либо своих «показаниях 1917 года» по этому поводу он не упоминал. Но состоялся ли этот разговор до появления в парижской прессе перевода интервью Радзивилл и Херблетт и можно ли считать «свидетельство Бинта» независимым от заявлений двух «свидетельниц» из США, или же он сообщил Сватикову «всё, что знал», после 1 апреля 1921 г., уже с учётом их интервью? Выяснить это позволяет письмо Бурцева, отправленное в 1926 г. в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге: «Вскоре после приезда из России в Париж (1918 г. — Л.Б.) я нашёл Бинта и тогда же он мне кое-что уступил для моих работ из своих материалов. Приблизительно в 1921 году я попросил С.Г. Сватикова⁶⁹ вступить в сношения с Бинтом для выяснения некоторых

⁶⁷ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 212.

⁶⁸ Письмо Г. Бинта С. Сватикову от 13 октября 1926 года // Евреи и русская революция. С. 213.

⁶⁹ С 1924 г. Сватиков был представителем РЗИА в Париже. См.: Маркедонов С.М. С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель. С. 87.

вопросов — больше для перекрёстных допросов Бинта. Бинт сделал Сватикову ряд сообщений и уступил ему некоторое количество документов. Часть их была использована С.Г. Сватиковым. В то время “Общее дело” вело кампанию по разоблачению подделки “Сионских протоколов” (речь идёт, очевидно, о периоде с апреля по сентябрь 1921 г. — Л.Б.). Я посоветовал Сватикову сличить в Национальной библиотеке все экземпляры книги Жоли с текстом Протоколов (впервые о книге Жоли как основном источнике «Протоколов» стало известно в середине августа 1921 г. — Л.Б.), а также допросить по их поводу Бинта. Бинт дал ему сведения о подделке Протоколов и обязался уступить ему документ, подтверждающий его слова⁷⁰. Соответственно, разговор Бинта и Сватикова в 1921 г. о фабрикации “Протоколов” Рачковским с помощью «агента Головинского» состоялся после появления статьи Грейвса в августе 1921 г., не говоря уже о публикации в парижской прессе интервью Радзивилл и Херблетт⁷¹.

В рукописи Сватикова встречаются и другие «показания Бинта 1917 года», плохо согласующиеся с официальными документами, отражающими деятельность дореволюционной полиции и не подтверждающиеся в допросах бывших служащих Заграничной агентуры в 1917 г. (рассказ о слежке Бинта за Бурцевым в 1890 г., о выборе Гартингом нового имени или об обстоятельствах разгрома народовольческой типографии в Женеве в 1886 г.)⁷².

В 1934 г. Сватиков явно искажал роль Бинта в 1917 г., изображая его едва ли не основным экспертом и наиболее осведомлённым о тайнах сыска. Например, по его словам, «в то время один социал-революционер, ныне покойный, горячо требовал у меня проверить, был ли другой с.-р., гораздо более известный, прикосновенен к охране... Я вызвал Бинта в генеральное консульство и допросил его о разных моментах жизни лица, которое заподозревалося товарищем по партии. Бинт ответил: “Пораженец он, это верно, но в сношениях с немцами никогда не был заподозрен. Он честный революционер и враг охраны”»⁷³. Однако, судя по сохранившимся протоколам допросов чинов Заграничной агентуры, с подобными вопросами в 1917 г. представители Временного правительства обращались непосредственно к последнему заведующему Заграничной агентурой А.А. Красильникову⁷⁴. Бинт же тогда не играл заметной роли при выявлении секретных сотрудников⁷⁵. При этом он, похоже, вовсе не понимал антагонистического отношения новой власти к царскому режиму и его слугам. Так, настаивая во время встречи со Сватиковым на повышении своей пенсии в полтора раза, Бинт ссылаясь на то, что «последние 10 лет службы были самыми насыщенными работой и ответственностью»⁷⁶.

Но что же тогда представлял «сионский документ», как называл его Сватиков, якобы доказывавший причастность Рачковского к фабрикации «Протоколов»? Именно наличие этого документа, к которому в эмигрантских кругах относились весьма серьёзно, и побудило инициаторов Бернского процесса предложить Сватикову написать книгу⁷⁷. Неудивительно, что в рукописи 1934 г. тщательно анализировались внешний вид и содержание данного текста и подробно излагалась его история, рассказанная Бинтом.

⁷⁰ ГА РФ, ф. Р-5917, оп. 1, д. 41, л. 124.

⁷¹ М. Хагемейстер также полагает, что этот разговор состоялся в 1921 г.: *Hagemeister M. Die «Protokolle der Weisen von Zion» vor Gericht...* P. 477.

⁷² *Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов...* С. 183, 184, 195.

⁷³ Там же. С. 199–200.

⁷⁴ См.: ГА РФ, ф. 508, оп. 1, д. 36, л. 3–45.

⁷⁵ Бинта спрашивали лишь о том, не являлся ли секретным сотрудником бывший секретарь Бурцева В.Л. Родштейн, но сведения, сообщённые Бинтом, были настолько путаными, что вызвали сомнение даже у Сватикова (ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 21, л. 185, 187–188, 193, 194, 201–203).

⁷⁶ ГА РФ, ф. 509, оп. 1, д. 34, л. 2.

⁷⁷ Письма Б.И. Николаевского, через которого шёл заказ рукописи, и И.М. Чериковера по этому поводу цитирует О.А. Платонов (*Платонов О.А. Загадки сионских протоколов.* С. 391–395).

Сообщив читателям про «показания Бинта 1917 года» о подделке «Протоколов» Рачковским и его «агентом Головинским», Сватиков упомянул и о готовности своего информатора предоставить «приказ Рачковского» о «розыске древних противоеврейских книг в Германии»⁷⁸. В 1921 г. Бинт действительно пообещал передать Сватикову «документ, исходящий от моего шефа и дающий мне распоряжение отправиться во Франкфурт-на-Майне для того, чтобы отыскать у книгопродавцев несколько очень древних антисемитских книг»⁷⁹. Однако француз смог найти его только в 1926 г., после чего написал Сватикову: «Так как Вы настаивали на доставке этого документа, который я Вам официально обещал, то я... специально отправился во Франкфурт-на-Майне, дабы отыскать в книжной лавке, где я покупал эти книги, след моей покупки, я там ничего не нашёл... Годы проходили..., но встретив Вас несколько раз, я Вам постоянно повторял, что я Вам вручу обещанный документ... В 1926 году я проделал (так в тексте публикации. — *Л.Б.*) очень серьёзную болезнь и воспользовался очень долгим периодом моего выздоровления, чтобы привести немного в порядок мои бумаги, и нашёл, наконец, искомый документ при проверке бумаг, которую я предпринял в Вассербурге (Эльзасе), и я Вам тотчас же отправил почтовую открытку, чтоб Вас уведомить об этом, и как только я вернулся в Париж, я Вам послал 5-го сентября 26-го года одну копию и извинился за опоздание. Остальные мои бумаги в Вассербурге, где находится также и оригинал»⁸⁰.

Таким образом, в 1926 г. Сватиков получил некую «копию». При этом в рукописи 1934 г. автор утверждал, что Бинт «до своей смерти так и не нашёл оригинал документа»: «В апреле 1929 г. он умер, и я дал вдове его денег для поездки в Эльзас в Зульц, за остатками архива Бинта. Разбирая привезённые вдовой бумаги, я случайно надавил переплёт большого регистрационного журнала, и из переплёта его выпал листок, которого я был номинальным собственником в течение 8 лет»⁸¹. 17 марта 1930 г. Сватиков, собиравший новые материалы для РЗИА, уведомил его руководителя А.Ф. Изюмова о том, что «нашёл, наконец, законспирированный “сионский подлинник”»⁸².

Поскольку сам «документ» до сих пор никем так и не обнаружен, судить о нём приходится исключительно по описанию Сватикова, который неоднократно сам себе противоречит. В начале рукописи из «показаний Бинта 1917 года» читатели узнают о существовании приказа заведующего Заграничной агентурой Рачковского, подтверждающего фабрикацию протоколов им и его «агентом Головинским» в Париже. Но в конце рукописи говорится уже, что некий «приказ» был прислан Рачковским из Петербурга в Париж «местному “шефу охраны”» в 1905 г.: «Бинт показал мне в 1917 году и подтвердил в 1921 году, что книги затребованы были Департаментом в эпоху, когда Рачковский управлял им, и что книги были отправлены “Рачковскому в Петербург”»⁸³. Тем самым Головинский к этому «приказу» уже не имел отношения, а Рачковский «переместился» из Парижа в Петербург. Неожиданно «индивидуальное предприятие Рачковского» превращается в официальный запрос из Департамента (который, как утверждалось в рукописи ранее, «не знал об этой затее»)⁸⁴.

Пытаясь объяснить такой поворот истории, Сватиков, словно бы «забывая» о содержании «показаний Бинта 1917 года», писал: «В 1921 году Бинт уточнил свои рассказы о документе, доказывавшем, что в 1905 году Рачков-

⁷⁸ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 166.

⁷⁹ Письмо Г. Бинта С. Сватикову от 13 октября 1926 года // Евреи и русская революция. С. 213.

⁸⁰ Там же. С. 213–214.

⁸¹ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 205, 206.

⁸² ГА РФ, ф. Р-5962, оп. 1, д. 18, л. 238.

⁸³ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 202, 210.

⁸⁴ Там же. С. 166, 201–202.

ский хотел продолжить и углубить работу по сочинению “протоколов”. На этот раз и Департамент полиции, и Заграничная агентура, и другие лица приняли участие в деле». Но в таком случае «сионский документ», очевидно, должен был быть отпечатан на русском языке, как вся переписка Департамента с его заграничным подразделением в 1900-е гг. Сватиков же приводит его по «*собственноручной записи Бинта по-французски*»: «Старую книгу, содержащую сведения о ритуальных убийствах у евреев и носящую общий заголовок “Kaballa Vabel”. Эта книга в двух различных частях». Далее шли уточнения по частям книг, местам и годам их издания в Зальцбурге и Франкфурте-на-Майне в XIV–XVI вв. и о переиздании одной части в Пржемышле в Австрии в 1880 г. На обороте «рукой же Бинта» были приписаны «карандашом, по-видимому, адреса букинистов во Франкфурте-на-Майне» и «чужой рукой более точные заглавия»⁸⁵. Этот «листок с записанным поручением Бинт, как сказано выше, вложил в переплёт тетради и не мог найти сам до самой своей смерти»⁸⁶. По мнению Сватикова, «хотя запись приказа была без даты и писана не рукой кого-либо из начальников агентуры, тем не менее эта бумага подтвердила слова Бинта, что Департамент полиции, во время управления им Рачковского, подготовлял в секрете какое-то противоеврейское произведение»⁸⁷.

Получается, что «оригинал приказа» (ведь Сватиков нашёл после смерти Бинта в его «тетради» именно «оригинал») представлял собой «листок Бинта с записанным поручением», т.е. недатированный рукописный текст на французском языке, как и «копия», которую Бинт прислал Сватикову в 1926 г. Сватиков ни разу не уточняет, анализирует ли он «копию приказа» или же оригинал, а также отличались ли они друг от друга. Неясно и то, что означает фраза о «записи приказа... не рукой кого-либо из начальников агентуры» — ведь, судя по всему, и «копия», и «оригинал» были написаны почерком Бинта.

Кроме того, история этого приказа, как и другие «рассказы Бинта», записанные Сватиковым в 1920-е гг., не согласуется с тем, что известно о деятельности и деятелях политической полиции России начала XX в. «Парижский шеф охраны», неоднократно упоминаемый Сватиковым в этой части текста, но почему-то ни разу не названный, якобы получил задание от Рачковского и приказал Бинту немедленно ехать в Германию в поисках соответствующих изданий. Бинт отправился во Франкфурт-на-Майне и после длительного поиска нашёл требуемые книги, написанные на латыни и на еврейском, а «местный шеф» отправил их «в Петербург Рачковскому, Фонтанка 16»⁸⁸. Сватиков утверждал, что, «по словам Бинта, в это время, как рассказывал ему его старый сослуживец В. Милевский, “Мануйлов много писал в Петербурге” (то есть для Рачковского и для “протоколов”). “Друг Мануйлова” перевёл (для Рачковского) четыре (еврейских) книги»⁸⁹. Более того, «Бинт был категоричен в этом отношении» — «друг Мануйлова» в 1905 г. переводил «для Рачковского древнееврейские тексты»⁹⁰.

В.Ф. Милевский, на которого ссылался Бинт, действительно являлся его старым сослуживцем — ещё в 1886 г. они вместе громили народовольческую типографию⁹¹. Однако Милевский умер в сентябре 1904 г.⁹², а Рачковский ока-

⁸⁵ Там же. С. 201–202.

⁸⁶ Там же. С. 210.

⁸⁷ Там же. С. 202.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 203. Все кавычки и скобки — в тексте рукописи.

⁹⁰ Там же. С. 206.

⁹¹ ГА РФ, ф. 102, 1886 г., 3-е делопроизводство, оп. 82, д. 93, л. 133–135.

⁹² Дату смерти Милевского можно установить из письма Гартинга, направленного 1(14) сентября 1905 г. в Департамент полиции. В нём, в частности, сообщалось, что «помимо всех перечисленных расходов Ратаев до сентября минувшего года платил ныне умершему Милевскому жалованье в 154

зался в Департаменте на руководящей должности в Петербурге только в июле 1905 г.⁹³ Поэтому если Милевский и знал, что «Мануйлов много писал в Петербурге», то заказчиком этой работы был не Рачковский, а А.А. Лопухин (директор Департамента полиции в 1902–1905 гг.). С Лопухиным Мануйлов находился в приятельских отношениях⁹⁴, тогда как Рачковский в сентябре 1905 г., через несколько месяцев после своего назначения вице-директором Департамента полиции и внутреннего расследования деятельности Мануйлова, произвёл его «окончательный расчёт»⁹⁵.

Сватиков пытался объяснить явное противоречие в рассказе Бинта: Рачковский якобы заказывал книги в тот момент, когда занимал важный пост в самом Департаменте полиции, однако «Протоколы» были опубликованы Крушеваном за два года до этого. В рукописи Сергей Григорьевич, по сути, предлагал две противоречащие друг другу интерпретации рассказа Бинта: либо Рачковский «готовил продолжение протоколов», но закончить эту работу ему не удалось, либо «антиеврейские книги», заказанные им «за счёт Департамента», могли быть выписаны для «погромных прокламаций» октября 1905 г.⁹⁶ Однако второе предположение опровергало «версию Бинта» (а точнее – самого Сватикова) как таковую.

Упомянута в рукописи 1934 г. и третья версия датировки «приказа»: Спиридович ещё в 1924 г. предположил, что «приказ» связан с «делом Бейлиса». Опровергая это, Сватиков писал: «Дело Бейлиса исследовано ныне А.С. Тагером по данным архивов Департамента полиции, Министерства юстиции, Киевского окружного суда и т.д. ... Несомненно, что Тагер не умолчал бы о таком важном факте, как срочная выписка за любые деньги книг через Заграничную агентуру Департамента полиции. Между тем об этом факте у Тагера нет ни слова»⁹⁷.

Однако Бинт всё же не сочинял текст «документа». Приказ из Департамента полиции о поиске «священных еврейских книг о кабале» Заграничная агентура получила. И Бинт действительно искал эти книги во Франкфурте-на-Майне. Это был приказ директора Департамента полиции С.П. Белецкого, направленный заведующему Заграничной агентурой А.А. Красильникову 29 февраля 1912 г.⁹⁸, т.е. именно в период подготовки «дела Бейлиса». Разумеется, Рачковский, скончавшийся в октябре 1910 г., не мог иметь к этому никакого отношения.

Сравнение распоряжения Белецкого с текстом, цитируемым Сватиковым в рукописи 1934 г., не оставляет сомнений в том, что Бинт не придумал названия книг – именно эти издания были заказаны Белецким⁹⁹. Тот листок, который Сватиков нашёл в бумагах Бинта, судя по всему, не желавшего показывать

1 250 франков в месяц..., и по смерти Милевского продолжал выдавать его вдове по 1 000 франков в месяц до минувшего января месяца (т.е. до января 1905 г. – Л.Б.)». См.: ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 11, л. 16.

⁹³ О появлении П.И. Рачковского в Департаменте полиции в 1905 г. см.: *Перегудова З.И.* Политический сыск России... С. 84.

⁹⁴ См., например, письмо Лопухина Мануйлову: ГА РФ, ф. 102, оп. 314, д. 26, л. 140.

⁹⁵ См.: Там же, л. 167, 169.

⁹⁶ *Сватиков С.Г.* Создание сионских протоколов... С. 203, 210.

⁹⁷ Там же. С. 209. Имеется в виду монография: *Тагер А.С.* Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1933. Российский и советский адвокат и правовед А.С. Тагер участвовал в поиске материалов о происхождении «Протоколов» в дореволюционных архивах в период подготовки Бернского процесса.

⁹⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, ОО-1, 1912, д. 239. Кстати, «Переписка о приобретении еврейской священной книги “Kaballa babel”» доказывает прямое участие Белецкого в «деле Бейлиса» на стороне обвинения.

⁹⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, ОО-1, 1912, д. 239, л. 2; *Сватиков С.Г.* Создание сионских протоколов... С. 201.

«оригинал приказа», — это записанное им на французском языке задание, полученное от Красильникова. На обороте листа Бинт указал адреса тех магазинов, где был в 1912 г. Правда, приобрёл он не совсем те книги, которые запрашивал Департамент, и заплатил за них не астрономическую сумму в 4 тыс. золотых франков, как рассказал Сватикову, а чуть менее 400 обычных франков¹⁰⁰. Таким образом, у Бинта имелся «оригинал» дореволюционного «документа» — его собственноручная записка. Однако, назвав её «приказом Рачковского», он совершил подлог.

Характерно, что «Переписка о приобретении еврейской священной книги “Kaballa babel”» фигурировала в списке документов, отражающих отношение Департамента полиции к «еврейскому вопросу», который составили в СССР по запросу из Швейцарии¹⁰¹. Как указывает Хагемейстер, в период подготовки к Бернскому процессу сторона обвинения выяснила подлинную датировку «сионского документа» и не стала использовать его на суде¹⁰².

Видимо, Сватиков впервые узнал о причастности Рачковского к фабрикации «Протоколов» из интервью Радзивилл и Херблетт в апреле 1921 г. Во время одной из последующих встреч с Бинтом он интересовался этим сюжетом, но получил крайне скудную информацию, по сути, повторявшую заявления Радзивилл и подтверждавшую их лишь ссылкой на некий «приказ» Рачковского, который Сватиков назвал «сионским документом». Неудивительно, что подготовленная Сватиковым в 1934 г. рукопись оказалась наполнена многочисленными противоречиями и нестыковками. В ней же появились и «показания Бинта 1917 года», о которых Сватиков, судя по его статьям, до 1921 г. ничего не знал.

Труднее всего объяснить, почему Сватиков решил привязать «показания Бинта» к 1917 г. и фактически фальсифицировать историю происхождения «Протоколов».

Следует учесть, что именно в 1917 г. Сватиков из общественного деятеля превратился в государственного служащего. Категоричность в суждениях, подчинение своей общественной и научной деятельности политическим целям, характерные для Сватикова и ранее¹⁰³, заметно усилились в атмосфере, царившей в Париже в эмигрантской среде, с широко распространённым в ней доносительством¹⁰⁴. Сватиков быстро увлёкся «разоблачениями» «провокаторов» (т.е. тех, кто сотрудничал с царским режимом) и «предателей» (немецких шпионов), иногда одновременно обвиняя человека и в том, и в другом¹⁰⁵. Он стал «своим» в сложившемся к тому времени кругу разоблачителей (В.Л. Бурцев, Л.П. Меньшиков, В.К. Агафонов) и приобрёл соответствующую репутацию. Причём в силу особенностей своего мировоззрения и характера он демонстрировал доверие к любому, самому минимальному обвиняющему свидетельству, и даже в тех случаях, когда окружавшие его «разоблачители» не видели оснований для подозрений¹⁰⁶. Например, при расследовании злоупотреблений в русской военной миссии, как отметил С.М. Маркедонов, «в Сватикове-чиновнике проявились черты общественного деятеля. Он, в частности, безусловно доверял

¹⁰⁰ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, ОО-1, 1912, д. 239, л. 22, 32; *Сватиков С.Г.* Создание сионских протоколов... С. 202.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 4888, оп. 1, д. 30, л. 15 об.

¹⁰² *Hagemeister M.* Die «Protokolle der Weisen von Zion» vor Gericht... S. 481.

¹⁰³ Подробнее см.: *Маркедонов С.М.* С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель.

¹⁰⁴ Об этой атмосфере подробнее см.: ГА РФ, ф. 508, оп. 1, д. 36, л. 54; ф. 1653, оп. 1, д. 1.

¹⁰⁵ См., например, итоговый отчёт Сватикова Временному правительству: ГА РФ, ф. 1653, оп. 1, д. 2, л. 2–29.

¹⁰⁶ Это резко выразилось в его конфликте в августе 1917 г. с бывшим личным секретарём Бурцева В.Л. Родштейном. См.: ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 361, л. 40; д. 21, без номера листа. Протокол допроса № 3, № 8, л. 156, 185–209.

сведениям, полученным им от политэмигрантов, тогда как данные офицеров подвергал сомнению и тщательно перепроверял»¹⁰⁷. В результате уже в августе 1917 г. он был спешно отозван из Парижа по просьбе министра иностранных дел, обеспокоенного тем, что «крайняя импульсивность Сватикова, уже проявившаяся при сношениях его с иностранными властями, угрожает возможностью совершенно недопустимых осложнений»¹⁰⁸.

Однако, пробыв на комиссарском посту менее полугода, Сватиков в 1920-е гг. неоднократно подписывался как «бывший комиссар Временного правительства» и продолжал использовать следственную терминологию («я допросил», «показания» и т.п.)¹⁰⁹. В 1920-х гг. он несколько раз активно доказывал эмигрантам, что тот или иной человек был секретным сотрудником «царского режима». Причём в одном случае источником его данных оказался всё тот же Бинт, а во втором случае он сослался на собственные «воспоминания» о материалах Департамента полиции¹¹⁰. При этом Сватиков не сомневался в достоверности того, что сообщал ему Бинт. Ведь в целом уровень знаний о деятельности политической полиции в эмигрантской среде 1920-х гг. оставался довольно низким. А когда речь шла о секретной агентуре, даже такой специалист, как Бурцев, начинал «играть» с датами и именами, излагая истории, которые не могли иметь места в действительности¹¹¹.

В эмиграции Сватиков всячески пытался придать своей деятельности «частного разоблачителя» некий полуофициальный статус, скорее всего, вполне искренне считая её продолжением работы, начатой в 1917 г. Вероятно, и свои беседы с Бинтом в 1920-е гг. он воспринимал как продолжение допросов 1917 г. Не случайно выражение «официальное следствие» использовалось и в названии рукописи 1934 г. С другой стороны, настойчивые заявления о том, что все сведения о фабрикации «Протоколов» Рачковским получены от Бинта во время официальных допросов в 1917 г., не были случайной ошибкой Сватикова. Он целенаправленно старался придать своему «свидетельству» принципиально иной статус и вес, по сравнению с показаниями других «русских экспертов» на Бернском процессе. Очевидно, информация, полученная на допросе, обладала большей «легитимностью», чем беседа двух частных лиц в неофициальной обстановке, что в полной мере сказалось и в историографии.

Между тем, учитывая явную необоснованность и надуманность «версии Сватикова», следует не только признать, что ни заведующий Заграничной агентурой Рачковский, ни Департамент полиции МВД не имели никакого отношения к фабрикации «Протоколов», но и внимательнее присмотреться к наблюдениям и выводам, изложенным в работе Ч. де Микелиса. Проведя текстологический анализ первых публикаций «Протоколов» и сравнив их с сочинениями известного черносотенца Г.В. Бутми, итальянский филолог предположил, что фальшивка, скорее всего, была составлена в первые годы XX в. в кругу публицистов, известных своими антисемитскими взглядами и активно критиковавших экономическую политику российского правительства (Г.В. Бутми, П.А. Крушев, С.Ф. Шапапов)¹¹².

¹⁰⁷ Маркедонов С.М. С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель. С. 62.

¹⁰⁸ ГА РФ, ф. 1653, оп. 1, д. 2, л. 31–32.

¹⁰⁹ Там же, ф. Р-5802, оп. 1, д. 535, л. 35–37 об.

¹¹⁰ См., например, заявление Сватикова о «провокаторстве» Е.П. Когана-Семёнова: ГА РФ, ф. Р-5802, оп. 1, д. 535, л. 35–37 об. Весьма характерична и история обвинения в провокаторстве эсера Г.П. Хавкина в 1930–1931 гг.: Там же, ф. Р-6093, оп. 1, д. 1–12.

¹¹¹ Так, обосновывая «предательство» Семёнова-Когана, Бурцев писал, что этот факт ему подтвердили на совместной встрече летом 1918 г. Белецкий и Манасевич-Мануйлов (ГА РФ, ф. 10003, оп. 17, коробка 1, папка 17, л. 1–12). Однако летом 1918 г. Бурцев уже несколько месяцев жил в Париже, Белецкий после Февральской революции непрерывно оставался под арестом и находился в Петропавловской крепости, а Мануйлова к тому времени большевики успели расстрелять.

¹¹² Микелис Ч., де. Указ. соч. С. 103.